

ИСТОРИЯ ПОСЛЕВОЕННОГО СОВЕТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА КАК «ТРУДНАЯ ПАМЯТЬ» РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье на основе анализа научных работ, конкретизирующих феномен «социальная память», и архивных источников рассматривается проблема сохранения в общественном сознании памяти о трудностях жизни советского крестьянства в послевоенное время. В современном российском обществе основное внимание уделяется военному подвигу советского народа и армии в годы Великой Отечественной войны, а судьбы людей и социальных групп, которые внесли решающий вклад в послевоенное восстановление народного хозяйства, остаются за рамками общественного интереса. Автор считает, что в социальной памяти должны быть запечатлены образы жертвенного труда крестьянства, которое, находясь в условиях чрезвычайных материальных лишений, обеспечивало продовольственную безопасность страны.

Ключевые слова: советское крестьянство, социальная память, «трудная память», трудодень, колхоз, кампания, репрессия, сельское хозяйство.

Память – особый феномен человеческого существования, призванный сохранять значимость тех или иных событий и явлений в жизни индивида. Но память является также важнейшей характеристикой социума и находит выражение в его культуре. Культура как форма памяти, или культурная память формирует единство коллектива, определяет доминанты настоящего, придает значимость происходящим событиям и формирует гражданскую коллективную идентичность. Формирование и функционирование социальной памяти во многом зависит от идеологических установок правящего режима¹. Социальная память как явление не только социокультурное, но и политическое проявляется на нескольких уровнях: официальном через конструирование господствующей идеологией официальной версии истории; и «стихийном» («народном»), который проявляется сохранением в коллективной памяти образов и оценок минувших событий, отличных от официальной точки зрения.

Социальная память не есть сумма памятей индивидов, входящих в данное общество. Она представляет собой особый «механизм сохранения и передачи информации во времени и пространстве»² и формирует историческое сознание индивидов, которое представляет собой «определенную систему взаимодействия «практических» и «теоретических» форм социальной памяти, народных преданий, мифологических представлений и научных данных...»³. В памяти отражается совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, оценок и восприятий многообразия исторических событий как обществом в целом, так и различными

¹ Шеуджен 2012.

² Илизаров 1985.

³ Левада 2011. С. 305.

социально-демографическими группами и этносоциальными объединениями⁴. В культурной памяти прошлое приобретает символические формы, а личные воспоминания участников событий становятся лишь дополнением картины минувшего, его иллюстрацией⁵.

Историческое сознание и сама социальная память в переломные моменты общественно-политического развития подвергаются культурной трансформации и эрозии. Войны и революции, социальные потрясения и экономические кризисы приводят к переоценке прошлого и пересмотру культурных программ и вектора развития. Неслучайно, М. Хальбвакс утверждал, что «припоминание» и «забвение» тех или иных исторических событий является проявлением изменения рамочных конструкций, определяющих память о прошлом⁶.

XX век в отечественной истории оказался богатым на масштабные социально-политические трансформации и социальные эксперименты. Революции и войны, модернизационные сдвиги и технические новации не только изменили вектор общественного развития, но и подвергли эрозии ценностные ориентиры российского общества. В условиях советского эксперимента и постсоветской действительности политические элиты неоднократно предпринимали попытки пересмотра официальной исторической парадигмы с целью удовлетворения идеологических потребностей правящего режима. Данные действия привели к тому, что общество оказалось дезорганизованным и лишенным культурных ориентиров и единства в понимании своего предшествующего опыта.

Одной из опорных точек конструирования современной российской идентичности является оценка советского прошлого, его социокультурного наследия, способов осуществления власти, механизмов реализации социальных проектов. Наибольшую остроту в оценке советской действительности имеет проблема сталинизма, его интерпретаций в социальной памяти и историческом сознании. Процесс десталинизации, начатый на XX съезде КПСС, ограничился осуждением культа личности вождя и методов осуществления власти, а жизнь рядовых граждан в условиях тотального террора так и остается предметом изучения узких специалистов и некоммерческих общественных организаций. В массовом сознании россиян «вождь народов» остается одним из наиболее популярных правителей в истории страны и истинным патриотом, который мог жертвовать своими личными и семейными интересами ради величия и могущества Родины. В глазах миллионов граждан современной России Сталин и его модель управления государством ассоциируются не с миллионными бессмысленными жертвами рукотворного голода 1930-х гг. и

⁴ Тощенко 2000. Данное обстоятельство приводит к тому, что различные культурные группы по-разному осмысливают прошлое. – Сыров 2013. С. 186.

⁵ Ассман 2004. С. 54-56.

⁶ Хальбвакс. С. 111.

политического террора, а с выдающимися достижениями советской эпохи, с Победой в Великой Отечественной войне.

Современные политические элиты, оценив распад СССР как геополитическую катастрофу XX в., выбрали курс на восстановление утраченного авторитета России на международной арене и консолидацию «русского мира», раздробленного государственными границами. Формирование постсоветской идентичности россиян, по мнению властной элиты, должно осуществляться на основе героического прошлого российского народа. И особое место в этом прошлом занимает Победа в Великой Отечественной войне. За последнее десятилетие значимость праздника 9 мая в российском политическом пространстве и обществе возросла, расширилось его смысловое наполнение. Этот праздник символизирует доблесть и мужество миллионов советских граждан, сумевших с оружием в руках не только защитить свое Отечество, но и освободить мир от фашизма, доказав жизнестойкость советской общественно-политической системы. Таким образом, именно Победа в одной из самых кровопролитных и жестоких войн в истории человечества выступает как основание консолидации общества. Но в этом героическом дискурсе не уделяется должного внимания судьбам миллионов граждан СССР, которые своим жертвенным трудом в условиях жесточайшей экономии средств восстанавливали подорванную войной экономику страны.

Память не только фиксирует знание о прошлом, но и дает возможность осознать и определить его место в истории. Коллективная память, как и индивидуальная, стремится вытеснить из сознания наиболее болезненные переживания и воспоминания о трагических событиях и явлениях. Память о судьбе российского крестьянства является одной из болезненных тем новейшей истории.

Советский аграрный проект привел к тому, что крестьянство как особая социальная группа советского общества со своими ценностями и идеалами перестала существовать. Уход крестьянства с исторической сцены является не только экономической, но и социокультурной проблемой. Нравственные идеалы и духовные ценности, религиозность и стремление к социальной справедливости, являющиеся мировоззренческими доминантами сельских тружеников, формировали не только крестьянскую, но и российскую ментальность. Насильственная коллективизация, а затем и послевоенное давление на деревню подвергли эрозии не только механизмы культурной трансляции, но и трудовую этику крестьянства.

В памяти миллионов советских крестьян сохранился опыт послевоенного восстановления народного хозяйства, когда власть в очередной раз доказала, что сельские жители – не субъекты, а всего лишь объекты социально-экономического процесса, которые должны безукоризненно выполнять директивные планы по поставкам продовольствия. При осуществлении экономической политики в колхозной деревне власти не учи-

тывали реального материального положения разоренной деревни, а лишь стремились перераспределить ресурсы деревни в пользу города⁷.

Неприглядная картина послевоенной колхозной деревни представлена в работе А.А. Базарова. С глубокой эмоциональностью он воссоздает образ советской деревни, представшей перед демобилизованными солдатами-победителями: «Родина встретила победителей нищетой. ... Неузнаваемо изменился внешний облик родных мест. И до Отечественной деревня несла шрамы коллективизации, а теперь дошла до повсеместной убогости, которая была особенно унижительной. ... Страна обносилась до лохмотьев. Раньше в сельпо можно было что-то купить под индивидуальный хлебозакуп. Теперь – ни зерна, ни товаров»⁸.

Женщины и дети, составлявшие основной трудовой ресурс в сельском хозяйстве СССР в военные годы, не смогли справиться с выполнением плановых заданий по хлебопоставкам, а это в свою очередь привело к снижению экономических показателей колхозного производства и, в конечном счете, к снижению уровня жизни колхозного крестьянства. Как известно, колхозники за свой труд в сельскохозяйственных артелях получали заработную плату в натуральном выражении за количество отработанных трудодней. Размер выплат не был неизменной величиной и каждый год зависел от урожайности и валового сбора зерна. Колхозы с крестьянами рассчитывались только после выполнения государственных заданий по хлебопоставкам. Фактически после засыпки семенного материала на хранение товарного зерна для выполнения обязательств колхозов перед колхозниками не оставалось.

Урожайность зерновых и размеры посевных площадей по Ульяновской области за военные годы сократились более чем на 40%⁹. Оплата труда снизилась с 1,5 кг хлеба в 1940 г. до 0,367 кг в 1944 г. По Куйбышевской области за один трудодень в 1940 г. выдавалось 1,4 кг зерна, а в 1945 г. только 0,540 кг¹⁰. Крестьяне выживали только благодаря своим личным подсобным хозяйствам, которые также облагались налогами. Крестьянство, жившее в условиях нищеты, выискивания различных механизмов выживания в крайне стесненных материальных условиях и перманентного голода, не всегда могло справиться с налоговым бременем. Но фискальные агенты государства были непреклонны – налоговые обязательства колхозники должны были выполнять любой ценой. Так, в областной газете «Ульяновская правда» 26 марта 1946 г. было опубликовано письмо многодетной матери Вилковой, которая проживала в с. Ермолаевка Вешкаймского района¹¹. В своем письме она сообщала о

⁷ Аграрная Россия... 2007.

⁸ Базаров 2004. С. 703-704.

⁹ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 128. Л. 3.

¹⁰ ЦГАСО. Ф.Р. 1911. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

¹¹ Беззаконие // Ульяновская правда. 26 марта. 1946 г. № 62 (791). С. 3.

незаконных действиях налоговых агентов Р.А. и А.А. Шариковых, изъявших у нее 12 метров мануфактуры в счет недоимок по налогам. Вилкова была вдовой участника Великой Отечественной войны, воспитывала малолетних детей, за работу в колхозе практически ничего не получала. Отрез ткани был привезен деверем в качестве подарка племянникам из поверженной Германии. Данный сюжет проявляет реальное отношение государственных институтов к вдовам воинов, несмотря на то что советская партийная агитация декларировала всевозможную поддержку и помощь семьям, потерявшим кормильцев на фронтах войны. За 1946 год только из одного Чердаклинского района Ульяновской области была получена 581 жалоба на незаконные действия со стороны уполномоченного министерства заготовок и финансовых органов «при обложении граждан, семей военнослужащих, семей погибших воинов, инвалидов Отечественной войны и демобилизованных» налогами¹². При рассмотрении жалоб было установлено незаконное налоговое обложение 355 крестьянских хозяйств, в том числе: 43 хозяйства престарелых колхозников, 46 – семей военнослужащих, 9 – демобилизованных¹³.

Демократический импульс войны затронул не только город, но и колхозную деревню. Колхозники, осознавая свой трудовой вклад в дело разгрома врага, ожидали аграрных реформ, в частности ликвидации существующей системы сельскохозяйственных артелей. Эти надежды отразились в слухах, которые циркулировали в сельском социуме. Так, колхозница Вилкова из артели «XIII лет Октября» говорила, что «Америка и Англия поставили перед товарищем СТАЛИНЫМ вопрос о роспуске колхозов, что Америка и Англия надели на товарища СТАЛИНА крест»¹⁴. Данные слухи были не единичными, донесения спецслужб свидетельствуют о том, что система колхозного производства в послевоенное время вызвала отторжение у крестьян. Но власть не услышала миллионного крестьянства, взамен демократических преобразований и предоставления широкой хозяйственной самостоятельности был выбран курс на ужесточение аграрной политики. 19 сентября 1946 г. Совет Министров СССР принял специальное постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственных артелей», направленное на восстановление контроля над деятельностью колхозов и крестьян, получивших относительную самостоятельность в военные годы.

Данное постановление положило начало очередной кампании, направленной на борьбу с «врагами колхозного строя». К этой категории относили широкий круг лиц, чьи действия, в понимании представителей властных структур, подрывали экономическую мощь и идеологические основы существующей колхозной системы, независимо от

¹² ГАУО. Ф.Р. 2520. Оп. 7. Д. 25. Л. 54.

¹³ Там же.

¹⁴ ГАНИУО Ф.8. Оп. 1. Д. 230. Л. 10-11.

занимаемой должности и включенности во властную вертикаль сельской административно-бюрократической системы.

В годы войны, стремясь выжить в условиях нехватки продовольствия, колхозники начали расширять свои приусадебные участки и культивировать на них различные зерновые культуры. На данные действия местные власти (председатели сельских советов и сельскохозяйственных артелей, партийные функционеры) смотрели снисходительно, также в колхозах была распространена практика отпуска продуктов и иных товаров колхозникам и иным категориям населения по специальным запискам председателей без учета нормы выработанных трудодней. Постановлением правительства эти действия были определены как незаконные. В 1947 г. по Ульяновской области размеры приусадебных участков 55379 колхозников и 4301 единоличного хозяйства были приведены в соответствие с записями земельной шнуровой книги¹⁵. По Куйбышевской области на 1 октября 1947 г. было выявлено 27080 нарушений закона об охране общественной собственности от расхищения. Самовольный захват колхозной земли допустили 38 организаций и учреждений, 488 единоличников, 7 605 семей рабочих и служащих, 18949 хозяйств колхозников¹⁶. За первые месяцы реализации постановления только в пределах Ульяновской области было выявлено 12735 случаев нарушения Устава сельскохозяйственной артели, выражавшихся в незаконном присвоении отдельными лицами и организациями принадлежащего колхозам имущества, в том числе 555 лошадей, 455 коров, 421 овцы, 621 пчелосемей, 110 жилых домов¹⁷.

Многие председатели колхозов, которые в тяжелых материальных условиях послевоенного времени не могли выполнить государственные планы по хлебопоставкам, были освобождены от занимаемых должностей и осуждены. Только за 1946 г. по Ульяновской области сменилось 565 председателей колхозов, что составило 44% от их общего состава¹⁸. В качестве примера можно привести председателя колхоза «Сталь» Ульяновского района Романова, который был избран на эту должность по рекомендации райкома в конце 1945 года, а уже через 5 месяцев был снят с должности за «саботаж хлебозаготовок»¹⁹. Частая смена председателей колхозов по инициативе региональных властей свидетельствовала не о силе партийных органов, контролирующих процесс восстановления сельского хозяйства, а об их бессилии, неумении оказать поддержку сельским должностным лицам в процессе мотивации крестьян к труду при отсутствии материальных стимулов и технических возможностей.

¹⁵ ГАНИ УО. Ф.8. Оп. 5. Д. 2. Л. 50.

¹⁶ ЦГАСО. Ф.Р. 1911. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.

¹⁷ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 2. Л. 49-50.

¹⁸ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 5. Д. 2. Л. 46.

¹⁹ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 4. Д. 306. Л. 5.

Следует отметить, что большинство председателей колхозов, осознавая в каком тяжелом материальном положении находятся колхозники, стремились под различными предложениями избежать сдачи хлеба государству. Так, председатель колхоза «Кызыл Кеч» Чердаклинского района Ульяновской области Хасянов, укрыв 40,5 центнеров ржи и 15 центнеров намолоченного проса от сдачи государству в ржаных отходах²⁰. Укрытое зерно предполагалось использовать для натуральной отплаты труда колхозников. Председатель колхоза «Пражская коммуна» Игнатовского района С.М. Егоров в период весеннего сева 1947 г. «смолол на общественное питание 70 кг овса, который подлежал обмену на семенное зерно»²¹. За данное решение райком партии объявил ему выговор. Действия председателей колхозов свидетельствуют о том, что они не следовали конъюнктурным целям правящей партии, и несмотря на сильную зависимость от властных институтов старались оказывать посильную помощь колхозникам.

В лучших традициях советской пропаганды во всех колхозах прошло обсуждение положений постановления от 19 сентября 1946 г., и колхозники приняли на себя обязательство «вести беспощадную борьбу с нарушителями Устава сельскохозяйственной артели»²². А партийные руководители стремились к тому, «чтобы сельские работники прониклись всей полнотой ответственности за состояние и развитие колхозов...»²³.

Несмотря на административно-карательные меры, вырабатываемые партийными функционерами, трудовая дисциплина в колхозах продолжала падать, и все более выраженным становился процесс эрозии трудовой этики крестьянства. Только по отдельно взятому Кутузовскому району Куйбышевской области за 1947 г. из 5081 трудоспособного колхозника за первый период сельскохозяйственных работ не выработало минимума трудодней 1169 человек²⁴. По отдельным колхозам эти цифры выглядели еще более удручающими. Так, в колхозе «Красный партизан» из 109 колхозников не выработали минимум трудодней 55 человек, а в артели «Красная Аврора» из 123 членов – 55 человек. Из года в год увеличивался процент колхозников, уклоняющихся от общественной работы и в сельскохозяйственных артелях Ульяновской области. Так, по отдельно взятому Ульяновскому району Ульяновской области количество колхозников, не выработавших установленным законом минимум трудодней, в 1940 г. составляло 14,5%, а в 1945 г. – уже 20,5% от общего количества трудоспособных членов артелей²⁵. В колхозе «Ленинец» данного района из 142

²⁰ Алексеевко 1946. С. 2.

²¹ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 5. Д. 303. Л. 1.

²² ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 4. Д. 292. Л. 6 об.

²³ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 5. Д. 2. Л. 6.

²⁴ ЦГАСО. Ф.Р. 1911. Оп.1 Д. 4. Л. 5.

²⁵ ГАНИ УО. Ф. 8. 4. Д. 306. Л. 4

членов колхоза на работу выходило в 1946 г. только 66 человек²⁶. Низкое участие колхозников в общественном производстве объясняется тем, что они основное внимание уделяли работе в личных подсобных хозяйствах.

Борьба с самовольным расширением приусадебных участков колхозников, которая была ключевым элементом кампании по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели, все же не смогла привести к кардинальному пересмотру отношения крестьян к труду в артельном хозяйстве. В данных условиях после апробации основных механизмов репрессивной политики на украинских крестьянах 2 июня 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принимает Указ «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». В разработке указа личное участие принимали И.В. Сталин и Н.С. Хрущев²⁷. Сталин собственноручно на проекте указа написал: «не для печати»²⁸. Это был один из самых репрессивных, затрагивающих колхозное крестьянство, указов послевоенного времени, преследовавший цель запугивания крестьян, воскрешая в их памяти практики времен коллективизации и раскулачивания.

Указ от 2 июня 1948 г. предусматривал исключение из колхоза и выселение в отдаленные районы СССР (районы рек Енисей, Оби, Лены) лиц, злостно нарушающих трудовую дисциплину в колхозах. Но власти ответственность за выселение колхозников перекладывали на плечи самих же крестьян, именно собрания сельских граждан принимали решения о выселении «тунядцев», а райсоветы приговоры сходов только утверждали. Передавая репрессивные функции собранию членов сельскохозяйственной артели, власти отсылали к дореволюционному опыту крестьянской общины, когда сельские сходы являлись не только местом решения хозяйственных вопросов, но и местом установления справедливости, решения различных споров.

Практика реализации Указа от 2 июня 1948 г. показала, что колхозники в своих действиях по выбору кандидатов на выселение не были самостоятельными. Повестку дня сельских сходов, списки на выселение заранее готовили сельские властные институты. В очередной раз власти использовали сельчан лишь как массовку для придания законности своим действиям. Во многом сходы превращались в судилища, и нередко вышестоящие инстанции приговоры сельских сходов отменяли как незаконные, так как местные власти чаще всего предлагали выселять наиболее немощных, больных членов артелей. Как отмечал секретарь райкома ВКП (б) Радищевского района Ульяновской области Минеев, «с 13 июля 1948 г. РК ВКП (б) и Исполком Райсовета подробно изучили ряд колхоз-

²⁶ ГАНИ УО. Ф. 8. 4. Д. 306. Л. 9.

²⁷ Зима 1994.

²⁸ Хасимутдинова 2002. С. 57.

ников и колхозов, как организацию труда, так и трудовую дисциплину колхозников». Исполком Райсовета решил провести первое собрание колхозников в артели им. Чкалова, «где наиболее слабо с трудовой дисциплиной». А в преддверии колхозного собрания 25 июля «рано утром» было проведено закрытое партийное собрание, где «единодушно договорились о кандидатуре, подлежащей выселению... утвердили список актива, которые должны участвовать на совещании, предварительно распределили обязанности между коммунистами и активом, кто выступает, кто выносит предложение, утвердили счетчиков». После совещания было проведено собрание колхозников, на котором по заранее утвержденному сценарию выступили восемь активистов, потребовавших выселения 46-летней колхозницы М.И. М-вой. Выступающие утверждали, что она с первого дня создания колхоза не принимала участия в полевых работах и в некоторые годы «имела очень малое количество трудодней за счет ухода за овцами»²⁹. На нее также возлагалась вина мужа, осужденного в 1947 г. за хищение колхозного хлеба. Принятое решение о выселении М.И. М-вой имело кратковременное воздействие на трудовую дисциплину колхозников данной артели. На следующий день «дисциплина труда и качество работы резко повысилось», на работу вышло 160 трудоспособных членов из 189-ти³⁰, но уже через месяц количество уклоняющихся от общественных работ стало расти.

После проведения собраний и принятия репрессивных мер к колхозникам, систематически не выработывающим минимума трудодней, трудовая дисциплина по сравнению с предшествующим периодом в колхозах Ульяновской и Куйбышевской областей стала укрепляться. Так, только в Сенгилеевском районе количество колхозников, уклоняющихся от общественной работы, снизилось с 12 % до 4,4%³¹.

К 15 октября 1948 г. только в Павловском районе Ульяновской области на основе Указа состоялось 3 колхозных собрания и 2 сельских схода. На них было принято решение о выселении 14 человек, но фактически приговоры были исполнены только по отношению к 10 колхозникам. По отношению к четырем гражданам решения сельских сходов были отменены исполкомом Райсовета как ошибочные. Так, «при подборе кандидатур для обсуждения на общем собрании граждан сельский Совет ошибочно показал М-вой год рождения 1929, а при рассмотрении этого вопроса на исполкоме выяснилось, что гражданин М-ва 1931 г. рож. и в 1948 г. окончила 7-й класс средней школы», а остальные оказались тяжело больными колхозниками, среди них Стешина, которая с «с 1940 по 1947 г. работала трактористкой и была ударницей»³², но в 1948 г. в кол-

²⁹ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 6. Д. 404. Л. 3.

³⁰ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 6. Д. 404. Л. 4.

³¹ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 6. Д. 404. Л. 7.

³² ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 6. Д. 404. Л. 1.

хозе работать не могла, ухаживала «за больной, умалишенной матерью»³³. В Сенгилеевском районе в с. Артюшкино к выселению были приговорены многодетные матери, «не способные к физическому труду», имеющие «заключения медицинской экспертизы»³⁴.

Во многих колхозах крестьяне, помня опыт коллективизации и насильственного раскулачивания, после оглашения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июля 1948 г., ощущая безвыходность положения, безропотно голосовали за выселение и предупреждение заранее определенных властями лиц. За редким исключением колхозники воздерживались от голосования, но никогда не смели возражать. Собрания, которые готовились районными властями, проходили в присутствии первых лиц района и работников правоохранительных органов, что было одним из факторов морального давления на крестьянство. За первые месяцы реализации Указа в Ульяновской области только в одном колхозе им. Молотова Старомайнского района колхозники осмелились нарушить заранее определенный ход событий. На предложение властей подвергнуть высылке инвалида Великой Отечественной войны А.Н. К-ва и А. Г-ва, выработавших в 1948 г. соответственно – 68 и 119 трудодней, собрание единогласно постановило: «Выселять никого не будем!»³⁵. Такая самостоятельность вызвала крайнее недовольство партийных функционеров. Вина за срыв собрания была возложена на председателя Райисполкома Алексеева и его заместителя Шеляка.

История послевоенного восстановления народного хозяйства насыщена трагическими событиями. Героическая патетика о спасении мира от фашистской угрозы не должна заслонять память о лишениях, которые сопровождали труд миллионов советских крестьян после войны.

Память о крестьянстве является проблемной темой исторического сознания российского общества. Внимание исследователей и правозащитников в основном направлено на период коллективизации и массовых политических репрессий, но советское крестьянство страдало от всесиилив советской бюрократии и в послевоенное время.

Задача исторической науки – сохранить знание о нелегкой судьбе советского крестьянства. В настоящее время мы наблюдаем процесс естественного ухода поколения граждан, которые своим трудом реализовывали «советский аграрный проект» и познали в полной мере «заботу партии» об их благополучии. Мы должны помнить, какой ценой и чьим трудом государство обеспечивало продовольственную безопасность страны. Какой бы трудной не была память, мы должны избежать культурной «амнезии».

³³ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 6. Д. 221. Л. 119.

³⁴ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 6. Д. 404. Л. 7.

³⁵ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 6. Д. 221. Л. 116.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аграрная Россия: история, проблемы, перспективы / Под общ. ред. В.М. Володина. Тамбов, 2007.
- Алексеевко А. Хасянов и Гилязетдинов – саботажники хлебопоставок, враги советского государства // Колхозная стройка. 1946. № 52. С. 2.
- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. 2004.
- Базаров А.А. Хроника колхозного рабства. М.: Возвращение, 2004.
- Беззаконие // Ульяновская правда. 26 марта. 1946 г. № 62 (791). С. 3.
- Государственный архив Новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 8. Оп. 1-6.
- Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.Р. 2520. Оп. 7. Д. 25.
- Зима В.Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109-125.
- Илизаров Б.С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (В свете представлений о социальной памяти) // Вопросы философии. 1985. № 8. С. 60–69.
- Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Памяти Юрия Александровича Левады. М., 2011. С. 298-352.
- Сыров В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 1. С. 183-190.
- Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния / Новая и новейшая история. 2000. № 4. Электронный ресурс. Точка доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM>
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- Хасимутдинова Р.Р. Антикрестьянская сущность Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. и его осуществление на Урале // Вестник ОГУ. 2002. № 8. С. 56-62.
- Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р. 1911. Оп. 1. Д. 1, 4, 10.
- Шеуджен Э.А. «Места памяти»: модная дефиниция или историографическая практика? // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. № 1. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2012.2/1748/sheudzhen2012_2.pdf.

REFERENCES

- Agrarnaya Rossiya: istoriya, problemy, perspektivy / Pod obshch. red. V.M. Volodina. Tambov, 2007.
- Alekseenko A. Khasyanov i Gilyazetdinov – sabotazhniki khlebopostavok, vragi sovet'skogo gosudarstva // Kolkhoznaya stroika. 1946. № 52. S. 2.
- Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. M. 2004.
- Bazarov A.A. Khronika kolkhoznogo rabstva. M.: Vozvrashchenie, 2004.
- Bezzakonие // Ul'yanovskaya pravda. 26 marta. 1946 g. № 62 (791). S. 3.
- Gosudarstvennyi arkhiv Noveishei istorii Ul'yanovskoi oblasti (GANI UO). F. 8. Op. 1-6.
- Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti (GAUO). F.R. 2520. Op. 7. D. 25.
- Zima V.F. «Vtoroe raskulachivanie» (Agrarnaya politika kontsa 40-kh – nachala 50-kh godov) // Otechestvennaya istoriya. 1994. № 3. S. 109-125.
- Iizarov B.S. Rol' retrospektivnoi sotsial'noi informatsii v formirovanii obshchestvennogo soznaniya (V svete predstavlenii o sotsial'noi pamyati) // Voprosy filosofii. 1985. № 8. S. 60–69.

- Levada Yu.A. Istoricheskoe soznanie i nauchnyi metod // Pamyati Yuriya Aleksandro- vicha Levady. M., 2011. S. 298-352.
- Syrov V.N. V kakom istoricheskom soznanii my nuzhdaemsya: k metodologii podkhoda i praktike ispol'zovaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1. S. 183-190.
- Toshchenko Zh.T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat'. Analiz sovremennogo sostoyaniya / Novaya i noveishaya istoriya. 2000. №. 4. Elektronnyi resurs. Tochka dostupa: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST /HIMEM.HTM>
- Khal'bvaks M. Sotsial'nye ramki pamyati. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 s.
- Khasimutdinova R.R. Antikrest'yanskaya sushchnost' Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 2 iyunya 1948 g. i ego osushchestvlenie na Urale // Vestnik OGU. 2002. № 8. S. 56-62.
- Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti (TsGASO). F.R. 1911. Op. 1. D. 1, 4, 10.
- Sheudzhen E.A. «Mesta pamyati»: modnaya definitsiya ili istoriograficheskaya praktika? // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. №. 1. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2012.2/1748/sheudzhen2012_2.pdf.

Хасянов Олег Ренатович, кандидат исторических наук, доцент Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии им. П.А. Столыпина, докторант Самарского государственного университета; Oleg-has@yandex.ru

The history of the post-war Soviet peasantry as 'difficult memory' of the Russian society

The article explores the ways the memory of post-war hardships in the life of Soviet peasantry. According to the author, the contemporary Russian society focuses on the military deeds of the Soviet soldiers during the Second World War, and the fate of ordinary people and social groups who made a decisive contribution to post-war reconstruction of the national economy, are beyond the scope of public interest. The author believes that because the fact that after the war, the Soviet government initiated several repressive campaigns against the Soviet peasantry, it is necessary to preserve the knowledge of the events. The social memory should keep the images of sacrificial labor of peasants who experienced the conditions of extreme material deprivation, and yet managed to ensure food security of the country.

Keywords: Soviet peasantry, social memory, "difficult memory" workday, farm campaign, repression and agriculture.

Oleg Khasyanov, PhD (History), Associate Professor, Ulyanovsk State Agricultural Academy named after P.A. Stolypin; Samara State University; Oleg-has@yandex.ru.